

ВОСТОЧНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бурцев А.А., Жданов В.Н.

Тема Востока, и особенно японская тематика, в последнее время стала весьма популярной в России и приобрела массовый характер. Миллионы россиян, включая и якутов, стали увлекаться восточными единоборствами, китайской и японской кухней, японскими манга и аниме. Можно сказать, что в настоящее время мы являемся свидетелями не просто увлечением Японией и Китаем, а фетишизацией или мифологизацией культур этих стран Дальнего Востока в российском обществе не только на уровне интеллектуальной элиты, но практически на всех социальных уровнях. В магической власти японизма оказались многие писатели, поэты, режиссёры: Б.Акунин / Г.Чхартишвили (в переводе с японского псевдоним Акунин означает «злой человек»), В.Пелевин, Д.Пригов, В. Рецептер, А.Сокуров и др. Российские интеллектуалы, как представляется нам, обратили свои взоры к Востоку прежде всего в поисках новых духовных ориентиров, ибо сейчас, на переломе эпох, российский интеллектуал, как никогда ранее «духовной жаждою томим», стремится припасть к неиссякаемому кладезю восточной мудрости.

Большой интерес к Востоку, прежде всего к Китаю и Японии, наблюдается сейчас и в Якутии. В 2011 году в Якутске был открыт культурно-экономический центр «Японский дом» ОАО Саха-Даймонд», совместно с японскими учёными был выпущен сборник статей «Взгляды на Сибирь». И даже в материале о суперпреданной собаке якутские СМИ назвали её «якутской Хачико». Но не будем останавливаться на констатации примеров многочисленных якутско-китайских и якутско-японских культурных мероприятий, всё чаще проводимых в

последнее время. В Якутии за этим возрастающим интересом к цивилизациям Японии и Китая, на наш взгляд, стоит не только экономический и технический прагматизм и не столько поиски новых духовных ориентиров, как, наверное, у определённой части русской интеллигенции, а невысказанное, в подсознании спрятанное, вполне естественное желание обретения союзников по мирозерцанию и мировосприятию. Условно можно говорить о восточном этническом менталитете, вобравшем в себя многие национальные черты разных народов. В качестве примера можно привести интересную работу Мальковской И.А. о первородной близости якутского шаманизма и японского синтоизма, основанных на почитании божеств природы и духов предков, что позволяет говорить и о японском шаманизме. В основе шаманистских и синтоистских обрядов были схожие магические действия. Как считает автор, шаманы, непосредственно осуществлявшие связь с духами - *ками*, пользовались большим влиянием. Древние японцы наделяли лидеров своего рода шаманистскими чертами. Это подтверждают данные не только "Кодзики" и "Нихон сёки" (упоминается император Дзинму, поведение и действия которого близки к шаманской практике), но и данные китайских летописей, сведения о "царице" Химико. [4].

Но более всего о некоей схожести мирозерцания якутов и других восточных народов нам может поведать якутская литература.

Якутская литература с момента своего зарождения никогда не была закрытым, изолированным феноменом. Но в силу сложившихся исторических обстоятельств ее связи и контакты носили односторонний характер: благодаря посредничеству русской литературы они были ориентированы главным образом в западном направлении.

Тем не менее, уже в произведениях первых якутских писателей проявились восточные реминисценции. В поэме А.Кулаковского «Сновидение шамана» (1910), наряду с пророческим раскрытием грядущих западных войн, дается глубокая оценка политики Японии и Китая, которые тоже строили тогда определенные планы в отношении России и, в частности, Якутии [2]. Но главное

в наследии основоположника якутской литературы не прямое отражение исторических событий и политических процессов, а художественно-философское восприятие восточных верований и этических принципов.

Философия А.Кулаковского складывалась из отдельных идей, высказанных в разных произведениях. Если их свести воедино, то получится целостное учение о некоем «правильном пути» человека в жизни. Общие принципы «правильного пути» изложены в стихотворении «Благословение по-старинному» (1916), жанр которого имеет фольклорные корни происходит от культового речения – благословения. Оно построено как монолог-напутствие, обращенное к новобрачным. Его основополагающей предпосылкой является идея добра и толерантности, потому что согласно поговорке предков, «проклятье, как эхом, отзывается кровью, благословение, как эхом, отзывается любовью».

Важное положение «правильного пути», восходящее к философии Древнего Востока, содержится в стихотворении «Обездоленный еще до рождения» (1913). В традиционной диалогической форме происходит спор между родителями будущего ребенка о его судьбе и жизненном предназначении. Отец перебирает несколько возможных вариантов – пусть его сын будет сильным и могучим, красивым и умным, удачливым и богатым, Мать же каждый раз не соглашается и высказывает желание, чтобы «только он был бы жив, не умер бы от хвори», а так пусть он будет «ростом не велик, видом неказист, кожей не бел, не чист, умом туповат, смекалкой не тороват, не востер, не горазд...» [3]. Причем в стихотворении явно проступает личностное начало, и в конце автор недвусмысленно заявляет, что речь идет именно о нем. В критических отзывах позицию матери трактовали едва ли не как проявление отсталости и косности якутской женщины. На самом же деле в стихотворении нашел отражение известный принцип «среднего пути», принятый в восточной этике. Самоуничижение поэта, «обездоленного еще до рождения», объясняется отказом от крайностей, чрезмерных желаний, нарушающих гармонию «правильного пути». Исключительная скромность, всяческое принижение своих достоинств характерно и для традиционного японского этикета. «Считай, что ты

ничего не стоишь, только тогда ты можешь чего-то стоить» -- гласит кодекс самураев Бусидо [1].

Мир и человек воспринимались А.Кулаковским в более сложном и иррациональном виде, чем с позиций западного прагматизма. Подобно В.Соловьеву, он пришел к осознанию невозможности преобразовать жизнь только посредством разума [5]. В стихотворении «Спор между умом и сердцем» (1912) якутский поэт недвусмысленно отдал предпочтение категории чувства. Вообще А.Кулаковский разделял присущую восточному типу мышления идею о самодостаточности и бесконечности окружающего мира, а человек представлялся ему существом не только материально-телесным, но и духовным, поэтому он придавал принципиальное значение воображению, прозрению, интуиции. Не случайно в собственной жизни он во многих случаях руководствовался не принципом разумной определенности, а ориентировался на веления сердца. Что в определённой степени соотносилось с идеями неоконфуцианства.

Параллельно с русскими мыслителями, создателями философии всеединства, А.Кулаковский пришел к осознанию нерушимого единства всей земной и космической сферы, и такой подход тоже в большей степени соответствовал восточному синтетическому ощущению целостности бытия, нежели западному аналитическому расчленению мира на живую и неживую природу.

В поэме «Сновидение шамана» А.Кулаковский констатировал, что нарушен некий «баланс» между «естественной» природой и развитием современной цивилизации. Ответственность за это он возлагал на «большие» народы. Их утилитарно-прагматическое отношение к природе связано исключительно с борьбой и подчинением. Сама природа воспринимается как чужая, враждебная человеку стихия. Все сводится к безудержному потреблению ресурсов и достижению успеха любой ценой. Результатом такого «прометеевского» отношения не может не стать нарушение «правильного пути», конфликт с «естественным» природным началом внутри себя, внутренняя

опустошенность.

Негативной установке по отношению к природе, характерной для западной цивилизации, А.Кулаковский противопоставил просветительскую в своей основе философию природы, ориентированную не на борьбу, а на гармонию, не на подчинение, а на сотрудничество, не на беспощадное потребление, а на благодарность по отношению к живой природной стихии. И здесь с традиционными просветительскими идеями сочетались черты восточной ментальности. В своем творчестве якутский поэт постоянно подчеркивал «открытость» человека перед «первозлементами» мира – огнем, землей, воздухом, водой. Это тоже входило в кодекс «правильности».

В наиболее системном, обобщенном виде мысль о «среднем», то есть «правильном пути», выражена в эпилоге к поэме «Сновидение шамана»:

Не свернув с прямого пути,
Не накрываясь на правый бок,
 Не разливаясь влево, будто весной,
 Неистово, куда попало, поток,
Если искать дорогу свою – посредине видна...

(Пер. С.Поделкова)

Настоящий гимн «естественной стихии, прекрасную симфонию, соединившую воедино природную «ноту» с человеческой «нотой», А.Кулаковский создал в поэме «Наступление лета» (1924), которая вместе с «Сновидением шамана» составляет единую художественно-философскую дилогию. Таким образом, его подлинным прозрением явилось признание недостаточности и пагубности антропоцентрического подхода к миру. Иными словами, речь шла о новой доминанте в самом понимании гуманизма: не только признание единства и взаимосвязанности мира, но самое главное – преклонение перед всем живым и его сохранение.

Восточные реминисценции широко представлены в творчестве другого классика якутской литературы, Н.Неустроева, особенно в его новеллистике 1920-х годов [6]. С точки зрения традиционных западных философско-

художественных «норм» в таких его рассказах, как «Прокаженные», «Рыбак Платон», «Конец Сидора», «Факир» и некоторых других, много неожиданного, странного, такого, что производит впечатление «потустороннего», трансцендентного. С позиций же восточного мироощущения эти странности оказываются естественными, закономерными, органически вытекающими из специфики художественного мышления писателя.

Отличительной чертой философии жизни Н.Неустроева стала, в частности, идея круговорота в природе, что является одной из ведущих позиций буддистской философии. Ритмическая упорядоченность природных циклов, чередование времен года осознавались им как едва ли не главный закон жизни вообще, в том числе существования, органично включенного в природную среду человека. Жизнь, подчиненная природным циклам, порождала ощущение теснейшей связи личности с окружающим миром, сопричастности ему как части целому. Человек видел в природе не только источник жизни, но и первопричину закономерностей, распространяемых на все стороны бытия, включая социальные отношения.

В произведениях Н.Неустроева круговорот в природе, повторяемость ее циклов не только создавали ощущение упорядоченности бытия, но и нередко выступали как организующее начало, как своеобразный принцип художественного видения. Одухотворенный ритм природных процессов способствовал созданию определенной атмосферы, благоприятной для самораскрытия человека. К примеру, описание весенней реки в рассказе «Прокаженные», картины пробуждающейся весенней природы в рассказах «Любовь», «Настя», грустный осенний пейзаж в рассказе «Презрение», - все это передавало особое эмоциональное состояние героев, окружающий их «микроклимат».

Для Н.Неустроева важнее было не социальное бытие личности, а его духовное существование. Если человек познает свое сердце, говорили древние мудрецы, на великой Земле не останется ни пылинки. С Неба спадут покровы, и раскроется Земля. Человек станет вровень с природой, воссоединится триада –

Небо, Земля, Человек – в благодатном союзе. Земля и Небо едины, как едины тело и душа Человека. Все имеет чувства, раз имеет сердце, и можно услышать голос Природы.

Смена времен года и связанных с ними настроений в рассказе «Рыбак Платон» представляет любопытный материал для философской интерпретации. Еще китайский поэт Лу Цзи, живший в III веке, писал: «Я иду за временами года и тогда вздыхаю: ах! Уходят! Язираю в тьму, в тьму превращений природы, и я думаю тогда: о, сколько их! Я скорблю по опавшей листве осенью, люблюсь на нежные ветви весной... И в сердце колотит удар за ударом, когда я почувствую иней холодный».

Образы природы в рассказе напоминают о неумолимом биении времени, о вечном круговороте, объединяющем человека и мироздание. Череда сменяющихся времен года – это не что иное, как символ жизненного пути человека от рождения к смерти, который – только миг в круговращении всего сущего на земле. Первая встреча автора-повествователя со стариком Платоном происходит в конце лета. Согласно космопланетарному архетипу «У-син» этому сезону года соответствует элемент «Земля», то есть, буйное цветение природы, зрелость, раздумья и размышления. В новелле это соответствует живописному описанию дремучего леса, благодатного озера, дарами которого кормится рыбак Платон, а также неторопливой, задумчивой беседе старика с гостем. В человеке стихия Земли проявляется через понимание, сострадание, сочувствие и любовь, единение с природой и другими людьми. Чувство Земли дает уверенность в себе, внутреннюю гармонию и спокойствие. Осень – это символ печали и тоски, и соответственно осенние думы – это зачастую горькие раздумья человека о конце своего земного пути. С этим временем года ассоциируются грустные воспоминания и мысли автора. Осенью умирает старик.

Зима в соответствии с принципами Дао означает холод, смерть, страх и ужас, ее цвет – черный. Зима – это промежуточный период между смертью и возрождением. Старый рыбак считал появление ледяных торосов на озере предвестниками смерти. Именно зимой умерла его жена. Зиме соответствует

элемент «Вода», и образ замершей, темной воды в озере символизирует смерть. Чувство воды – это страх за жизнь, желание выжить. Энергия Воды – это вертикальный поток, устремленный в центр Земли, характер Воды – погружение. Если энергия Огня направлена вверх, к Небу, то Вода влечет в глубины. Она действует как сила притяжения и ведет к истокам, в глубину сознания, к центру бытия. Стихия Воды хранит глубинные секреты жизни, это стихия углубления в себя, стихия медитации. Она придает человеку внутреннее спокойствие, и ничто не волнует «поверхность озера». В этой внутренней тишине и безмолвии медленно раскрываются бессознательное, царство сна и мир мечтаний.

Возрождение природы выражено в образе зерна, в котором заключена сущность дерева – энергия предков. Через несколько лет уже летом автор снова приходит к озеру. Он видит рядом с озером вспаханную землю и зеленые ростки пшеницы и догадывается, что это дело рук сына старика Платона. Начало лета – это расцвет всего живого, это радость и жизнь. Символ лета – огонь, солнце.

В якутской натурфилософии представление о системе мироздания, составной частью которого является человек, ассоциируется с древнекитайским учением о Дао как универсальном пути саморазвития всего сущего, бесконечной цепи изменений и превращений на основе естественных законов бытия. Вместе с тем традиционная якутская философия природы трактует окружающий мир более конкретно: каждая местность, озеро, река, дерево, растение имеют своих духов-покровителей («иччи»), которые существуют в реальном пространстве, как и люди.

Ум и сердце восточного человека подсознательно проникнуты пантеистическим мироощущением, независимо от исповедуемой им религии и идеологии. Окружающий мир многообразен и един одновременно, пронизан божественными эманациями. Нет непроходимой границы между людьми и божествами, между живущими и ушедшими. Видимый и невидимый миры соединены бесчисленными узлами необходимости, и ни одно отношение этого союза не может быть так просто нарушено. Истоки обожествления природы

коренились в национальной ментальности, в соответствии с которым человек воспринимал природную среду как одушевленную сферу.

Эмоционально-образное осмысление жизненных явлений, характерное для этнопсихологии народа саха, наиболее отчетливо выразилось у Н.Неустроева в новелле «Конец Сидора». Во втором сне героя происходит его диалог с духом-покровителем тайги Баай-Байанаем. Автор не только антропоморфизировал образ божества, то есть придал ему черты реального человека, но и наделил его определенным характером и чувством сострадания: «Баай-Байанай затаил дыхание, словно к чему-то прислушиваясь. Потом он начал тем же голосом: «Ты знаешь ли, догор? Если из моего стада ни один зверь не попадется в плаху или самострелы двуногих людей, то за это должен поплатиться сам двуногий... Это именно меня страшит. За это меня высокий Айыы-Тойон может наказать. Понимаешь ли, наказать... Если до утра я не успею загнать одного зверя из его бесчисленного стада, то пропадет один двуногий, за которого мне придется отвечать высокому Айыы-Тойону. Ох, велико мое горе!.. Ты спи, догор, а я пойду по горам и попытаюсь в последний раз». Сидор заметил, как по его морщинистому лицу скатились одна за другой слезы отчаяния. «Ах, даже и он может плакать! После этого нам, бедным обитателям тайги, присуще лить слезы скорби и печали», - думал Сидор» [7].

Для героев Н.Неустроева характерно ощущение их слитности с миром природы. Они не отделяют себя от Природы, потому что она стала частью их бытия. Они как бы растворены в природе, а природа в них. В мире, где все существует неслиянно и нераздельно, ощущение своей причастности Целому помогает обрести опору в Бытии. Рыбак Платон, охотник Сидор, прокаженный Семенчик стремились прежде всего осознать себя по отношению к природному миру, который представлялся им естественной сферой их собственного бытия, а они сами – его органической частью. Им свойственно ощущение внутреннего родства, восходящее к древнейшим архетипам национального сознания. Писателю удалось уловить и передать зародившийся в древности мифопоэтический тип мышления, в соответствии с которым коллективный опыт

осмысления природы преломлялся в образном строе произведения сильнее индивидуального.

Таким образом, в соотношении «природа – человек» Н.Неустроев, подобно А.Кулаковскому, главную роль отводит первому компоненту. Тем самым он тоже отходит от традиционного западного антропоцентризма, согласно которому центральное место в мироздании принадлежало человеку, и отдает предпочтение присущему восточному сознанию натуроцентризму.

Н.Неустроев первым из якутских писателей предпринял попытку включения восточных образов и реминисценций в художественную систему родной литературы. В небольшой новелле-этюде «Факир» все носит характер стилизации, начиная с названия и кончая пейзажной зарисовкой. Это своего рода «игра» с восточными аксессуарами: в тексте фигурируют «страшный змей с берегов Ганги», Кришна, «жгучая» Индия, Тибет, Гималайские горы и другие реалии и топонимы.

Новелла «Факир» – это своеобразное ментальное «путешествие» в фантастическую страну с высокими горами и вечнозелеными долинами, полную чудес и экзотики. Эта воображаемая страна имела мало общего с реальным Тибетом, но автору и не нужна была реальность, посредством творческой медитации он создавал особую среду, насыщенную духовной атмосферой. Описание волшебного путешествия в Тибет, «страну дремлющего буддизма», явилось не столько выражением его эскапизма, сколько средством приобщения к некоему потоку духовного начала, который возникал в природе тем больше и явственнее, чем выше и дальше уходил его дух от суетного мира. В этом мифологизированном пространстве он пытался выразить свои сокровенные чувства и реализовать самые необыкновенные мечты. Писатель видел то, что хотел видеть. Не уходя от реальности, «здесь и сейчас» он через эстетическое переживание добивался духовного «прозрения».

В поэзии А.Софронова и П.Ойунского тоже ощущались восточные реминисценции. В первую очередь это относится к их лирике природы. Для восточного сознания характерен иной от западного тип творческой фантазии.

Важнейшее значение придавалось процессу созерцания окружающего природного мира как возможности постижения истинного смысла бытия. По мысли японского философа Нитирэна, «любая травинка, любое дерево, любой камешек, любая пылинка» [8] давали художнику «точку отсчета» для постижения мира, так как через деталь познается целое, через отдельное – всеобщее.

В наиболее яркой и в то же время суггестивной форме натурфилософия А.Софронова изложена в стихотворении «Послушайте...». В соответствии с просветительской теорией «естественного состояния» поэт воспринимает природу как идеальную обитель для человека. Идея единения или даже полного слияния с природной стихией выражена следующим образом:

*...В небо синее поднимаюсь,
До небесных звезд доберусь...
Разбужу я звездную тишину,
Я поглажу рукой луну...
Найду самое глубокое место
Синего океана,
Рыб и чудищ подводных вместе
Целую охапку достану...
А потом я буду шептаться
С самым щедрым,
С самым драгоценным,
С самым неповторимым
Украшением земли –
С цветами...*

(Пер. В.Солоухина)

Поэт любил изображать дождь, ночь, осень, но это зачастую пейзаж его души, отпечаток его психологического настроения «в годы бури и пуль». Специфической особенностью его лирики является то обстоятельство, что картины природы имеют значение не столько реального пейзажа, сколько отражают сложные и напряженные размышления поэта, его восприятие времени

и собственной нелегкой судьбы. Даже в тех случаях, когда речь идет о конкретном описании ландшафта и реальных пространственных образах, пейзаж обретает обобщающий смысл. «Снег», «лед», «вьюга», «стужа» в стихотворении «Родина моя» символизируют состояние многострадального северного края в начале 20 века. В позднюю поэзию П.Ойунского, да и в творчество в целом, входит устойчивый мотив прощания, образ роковой судьбы. И снова природа дает поэту язык иносказания для раскрытия беспокойной души, предчувствующей и предсказывающей свой трагический удел. В качестве иллюстрации приведем примеры из его лирики 1930-х годов в переводах О.Шестинского:

*Надо ли печалиться мне,
о последнем подумав дне,-
кто, родившись, солнца не знал?..
Кто, родившись, не умирал?..
Я умру,- зарастет травой
холм могильный мой, земляной...*

(«Прощай»)

*Все имеет свой срок:
семя, завязь, цветок.
Смерть придет в свой черед,
в свой черед зреет плод...*

(«Этот огненный бокал»)

Во второй половине прошлого века восточные традиции дают знать о себе в якутской поэзии, в частности, в ее жанровой системе. С.П.Данилов в цикле «Маленькие стихи» обратился к классической форме японской поэзии – хокку. И.М.Гоголев создал поэтический цикл «Пальмовые берега», в котором путь его лирического героя, мнящего себя байроновским Чайльд-Гарольдом, лежит через «шесть морей» из Европы к «пальмовым берегам» - в Африку, далее в Индию, Индонезию, Вьетнам, Японию.

В современной якутской литературе крупнейшим опытом интерпретации

темы Востока является роман «По велению Чингисхана» (1997) народного писателя Якутии Н.А.Лугинова, который обратился к древней истории народа саха, имеющего, по мнению большинства современных ученых, «южное» происхождение.

Действие романа охватывает 13 век, то есть начальную стадию этногенеза якутского народа. В центре произведения – личность и судьба Чингисхана на фоне сложнейших исторических и этнических процессов, происходивших тогда в Южной Сибири и Прибайкалье.

Роман имеет целый ряд источников. Основными из них являются «Сокровенное сказание монголов», выдающийся памятник монгольской литературы 13 века, включающий в себя фрагменты разных жанров – исторических легенд, преданий, пословиц, поговорок, богатырских песен, а также «История монголов» Плано Карпини, «Золотое сказание» Лубсана Данзана, «Легенды о древнемонгольских вождях».

Название романа имеет глубокий смысл. Прежде всего «по велению Чингисхана» складывается могучий Ил – великое государство со своим не только военным, но и общественно-политическим устройством. Далее, «по велению Чингисхана» и на его личном примере формируется «Ясу» определенная этатистская философия, предполагающая приоритет общего – государственного, национального, родового – долга над личными, индивидуальными помыслами людей. Наконец, согласно авторской концепции, к эпохе Чингисхана восходит начальная фаза генезиса народа саха. По его «велению», одобренному старейшинами, на север, по течению великой реки, вслед за стаями перелетных птиц отправляется большой отряд монголов во главе с тойоном Нохоем, родом из урангхаев.

Таким образом, Н.Лугинов самим названием своего романа подчеркивает роль сильной личности в истории. В этом отношении якутский писатель солидарен с русским философом Н.Бердяевым, по мнению которого «о народе нужно судить по его вершинам, а не по низинам». Автор пересматривает устоявшуюся репутацию своего героя и создает нетрадиционный образ

Чингисхана, не только как великого полководца, но и дальновидного политика, примерно так же, как сегодня на Западе происходит переоценка фигуры короля гуннов Аттилы.

В характерологии произведения находится место и для юного Эр согодох Элэя, потомка татарского рода, которому, согласно историческим легендам, суждено было стать одним из предков якутского народа.

Особое значение в поэтике романа имеет система заставок-эпиграфов из указанных выше источников, а также из Лао-цзы, Мо-цзы, Гераклита, Марко Поло, А.Э.Шефтсбери, П.Ойунского, А.Ахматовой, Б.Дугарова, посредством которых создается своеобразный «эффект очуждения» (Б.Брехт) и подчеркивается «извечность» философских и нравственно-этических проблем, таких, как добро и зло, жизнь и смерть, личность и народ, степень свободы человека, смысл его существования, возможности его разума.

В романе «По велению Чингисхана», как и в других произведениях Н.Лугинова, использованы «центростремительная» композиция и принцип «потока сознания». Особенно много размышляют сам Чингисхан и его мать Ожулун, и соответственно раскрывается их «диалектика души». Вообще для творческого метода якутского писателя характерны самобытность, глубокий психологизм, поэтичность повествования. Он активно использует не только национальные художественные традиции, но и опыт мировой, в том числе восточной, литературы.

Таким образом, даже такой краткий обзор творчества классиков якутской литературы и ее современных представителей свидетельствует об определённой духовной сопричастности якутского этнического сознания, выраженного в самых разных художественных формах национальной литературы, природе восточного мирозерцания, сложившегося в Японии, Китае и Монголии.

Литература

1. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. «Эксмо», 2009.
2. Кулаковский А. Песня якута. Стихи и поэмы. - М., 1977.
3. Там же. С.131 – 132.
4. Мальковская И.А. Традиционные и современные ценности и адаптация индивида к условиям модернизируемого общества. // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М.: "Наука", 1984.
5. Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Изд.2-е. Т.2. – М., 1990. – С.625.
6. Ефимова Т.М. Новеллистика Н.Неустроева и развитие малых эпических жанров в якутской литературе 20 – 30-х годов 20 века: Автореф. диссер. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Якутск, 2000.
7. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп.27. Ед хр. 17. Л.39.
8. Человек и мир в японской культуре.- М., 1985.- С.67.
9. Ethnological Study of Herders in Siberia". Nagoya City University, Nagoya, 1996.